

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. Маркес, Е.Ю. Назруллаева, А.А. Яковлев

**ДЕНЬГИ ВМЕСТО РОСТА:
МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ
И ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА
В РОССИИ, 2001–2008**

Препринт WP1/2013/03

Серия WP1

Институциональные проблемы
российской экономики

Москва
2013

УДК 324
ББК 66.3(2Рос)68
М26

Редактор серии WP1
«Институциональные проблемы
российской экономики»
А.А. Яковлев

Маркес, И., Назруллаева, Е. Ю., Яковлев, А. А. Деньги вместо роста: межбюджетные М26 трансферты и электоральная поддержка в России, 2001–2008 [Текст] : препринт WP1/2013/03 / И. Маркес, Е. Ю. Назруллаева, А. А. Яковлев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 44 с. – 100 экз. – (Серия WP1 «Институциональные проблемы российской экономики»).

Если принять во внимание ограниченные ресурсы и реальное состояние экономики, возникает вопрос, каким образом политики решают, какой группе избирателей выделить трансферты, чтобы сохранить поддержку населения? В данной статье мы утверждаем, что решения политиков об адресном направлении трансфертов обуславливаются экономическими факторами. В нашей модели политики могут обеспечивать своих сторонников потребительскими благами двумя способами: косвенно через хорошие результаты экономического развития или непосредственно через трансферты. При высоких темпах развития экономики политики направляют трансферты колеблющимся избирателям, при низких – верным сторонникам. Мы проверяем свою теорию с помощью данных о федеральных трансфертах в адрес 78 российских регионов в период 2000–2008 гг.

УДК 324
ББК 66.3(2Рос)68

Ключевые слова: конкурентная автократия, системы с доминирующей партией, распределительная политика, колеблющиеся избиратели, федеральные трансферты, Россия

Маркес И. – научный сотрудник МЦИИР и докторант Колумбийского университета; e-mail: im2219@columbia.edu

Назруллаева Е.Ю. – научный сотрудник МЦИИР и старший преподаватель факультета экономики НИУ ВШЭ; e-mail: enazrullaeva@hse.ru

Яковлев А.А. – директор Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ; e-mail: ayakovlev@hse.ru

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Маркес И., 2013
© Назруллаева Е. Ю., 2013
© Яковлев А. А., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

1. Введение¹

Если принять во внимание ограниченные ресурсы и реальное состояние экономики, возникает вопрос, каким образом политики решают, каких избирателей следует поощрять? Практически во всех электоральных системах – от подлинно конкурентных до таких, в которых демократические институты и конкуренция слабы, – распределение ресурсов между избирателями – ключевой инструмент для сохранения поддержки с минимальными затратами (Magaloni (2006), Ганди (2008)). В существующих политических исследованиях такого распределения по целому ряду исторических и институциональных причин доминировали две конкурирующие теории распределения – модель «верных» избирателей, когда политики направляют государственные средства своим сторонникам, и модель «колеблющихся» избирателей, когда политики расходуют ресурсы на избирателей с неустоявшимися предпочтениями, которых легко переубедить² (Cox and McCubbins (1986); Lindbeck and Weibull (1987)). На практике, однако, наблюдаются смешанные результаты, и литература оказывается не в состоянии сделать однозначный выбор между двумя теориями (Calvo and Murillo (2004), Dahlberg and Johansson (2002), Hiskey (2003), Herron and Theodos (2004), Stokes (2005)). Соответственно, вопрос, направлять ли адресные трансферты избирателям

¹ Данная статья основана на результатах исследовательского проекта, выполненного сотрудниками Международного центра изучения институтов и развития (МЦИИР) Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ в рамках исследовательского проекта «Институты и экономическое развитие: роль бюрократии и эксперименты как метод анализа и оценки реформ» по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011–2013 гг. Авторы признательны Тимоти Фрау, Наталье Зубаревич, Наталье Головановой, Владимиру Гимпельсону, Владимиру Назарову, Скотту Гельбаху, Дэвиду Жакони, Джону Рейтеру и участникам семинара в ВШЭ за их ценные замечания, а также Даниэлю Трейзману за предоставленные данные по федеральным трансфертам регионам за 1998 и 1999 гг. Сергей Рожков оказал неоценимую помощь при сборе базы данных для проведения данного исследования.

² Однако имеются два очень важных исключения: см. Diaz-Cayeros, Estevez and Magaloni (2010); Vaishnav and Sircar (2011).

из числа верных сторонников или из группы колеблющихся, остается открытым.

В данной статье мы обращаемся к литературе по голосованию и предлагаем новый подход к политически мотивированным трансфертам. Мы присоединяемся к растущему числу авторов, которые рассматривают решение о предоставлении трансфертов населению как многоэтапную игру, в которой избиратели обосновывают свой выбор исходя из существующего перераспределения благ со стороны политических партий, а также своих ожиданий на будущее (Stokes (2005); Diaz-Cayeros, Estevez and Magaloni (2010)). Как правило, политики могут рассчитывать на то, что их верные сторонники проголосуют за них, потому что разделяют идеологические установки их партии или их экономический курс, что позволяет им сосредоточить усилия на завоевании поддержки со стороны колеблющихся избирателей с помощью трансфертов. Однако когда партии не способны обеспечить хорошее состояние экономики, их сторонники могут перейти на сторону оппозиции. Используя эту информацию, мы строим модель, в которой в процессе определения адресной группы – верные или колеблющиеся избиратели – ключевую роль играет экономический рост. Чтобы сохранить верность своей базовой группы поддержки в регионах с быстро развивающейся экономикой, политики могут полагаться на хорошие экономические результаты. Соответственно, ресурсы можно пустить на трансферты в регионы с колеблющимся электоратом. Однако там, где нельзя похвастаться успехами в экономике, политики вынуждены тратить ресурсы на то, чтобы обеспечить голоса своей базовой группы, сохраняя ее лояльность на следующих выборах. Наш более широкий подход к рассмотрению трансфертов как смешанной, а не бинарной стратегии имеет важное значение для литературы по распределению благ и электоральной политике.

Таким образом, в данной работе мы имеем дело с субнациональным уровнем и изучаем факторы, определяющие политику трансфертов из федерального центра в регионы в России в период 2000–2008 гг. Существенные различия в политической и экономической ситуации в 78 российских регионах, которые мы изучаем, служат отличной площадкой для проверки теорий распределительной политики. В то же время федеральная структура России хорошо соответствует допущениям о центральной власти и процессе принятия решений на федеральном уровне. Губернаторы российских регионов свободны в своих решениях отно-

сительно способов расходования поступивших трансфертов; имеются у них и необходимые знания для целевого расходования средств на своих территориях. Так как центральные власти не располагают информацией о ситуации на местах, но, тем не менее, принимают решения о трансфертах, мы утверждаем, что моделирование распределения федеральных трансфертов регионам позволяет отразить изучаемые нами явления. Наконец, изучение различий в рамках одной страны позволяет нам учитывать важные политические, экономические и бюджетные факторы при моделировании и снизить проблему ненаблюдаемой гетерогенности.

Наша статья вносит двойной вклад в литературу по распределительной политике. Во-первых, мы предлагаем новую трактовку политики распределения трансфертов, которая помогает объяснить противоречивые выводы существующих исследований и учесть как межвременные, так и кросс-секционные различия в голосовании «верных» и «колеблющихся» избирателей. Во-вторых, мы также вносим вклад в понимание использования трансфертов для влияния на избирателей в слабоинституционализированных условиях с неразвитыми партийными структурами. Период, который мы исследуем, отличается возрастающей централизацией и институционализацией партийной и политической систем в России. Хотя этот фактор может ограничить возможность использования результатов нашего исследования применительно к странам с более развитыми условиями, которые, как правило, и являются основными объектами в исследованиях распределительной политики, наши результаты достаточно хорошо отражают действительность в большинстве развивающихся стран.

В отличие от более ранней литературы, изучавшей взаимосвязь между федеральными трансфертами и результатами голосования в России, мы отмечаем, что в существующих на сегодняшний день исследованиях трансфертов и голосования присутствует проблема эндогенности (ср. Treisman (1996, 1998); Popov (2004); Jarocinska (2010)). При проверке робастности полученных нами результатов мы используем две стратегии, подтверждающие устойчивость результатов на фоне эндогенности.

В следующем разделе мы делаем краткий обзор существующих моделей распределительной политики и обсуждаем предлагаемые нами гипотезы. В разделе 3 мы кратко описываем систему федеральных трансфертов в России, а также политические реалии, наблюдавшиеся в тече-

ние рассматриваемого периода. В разделе 4 мы приводим описание и анализ данных, а затем, в разделе 5, описываем применяемую нами стратегию моделирования и обсуждаем вопросы идентификации. В разделе 5 также приведены полученные нами результаты и их проверка на устойчивость.

2. Избиратели и трансферты

Две классические модели трансфертов избирателям пытаются предсказать, как два класса избирателей реагируют на политиков, которые осуществляют перераспределение с целью обеспечения поддержки³. В обоих наборах моделей функция полезности избирателей зависит от ожидаемого или реального потребления (например, за счет трансфертов), приверженности определенной партии, относительной ценности дополнительного потребления и голосования за определенную партию, а также предельной полезности дополнительного потребления (трансфертов). Хотя внешние шоки могут повысить относительную значимость приверженности партии в межвыборный период (скажем, как реакция на скандалы), мы считаем, что предпочтения избирателей относительно партий зафиксированы. Исходя из данной схемы можно сделать вывод, что близость политической позиции и трансферты являются субститутами – даже самых убежденных сторонников политической партии можно переманить на свою сторону, пообещав им дополнительные трансферты (Сох (2010)). Сами партии сталкиваются с ограничениями, связанными с неспособностью изменить отношение избирателей к себе, бюджетными ограничениями на расходы, неэффективностью сбора налогов (ресурсов для трансфертов) и неэффективностью распределения трансфертов.

Как избиратели рассуждают о трансфертах? В то время как многие модели распределительной политики предполагают, что избиратели оценивают размер своих трансфертов до самих выборов, это не является необходимым условием. Диксит и Лондреган (1996), Магалони (2006), например, развивают и проверяют модель, в которой центральные политики

³ В этом обсуждении широко используются данные Диксита и Лондрегана (1996). Они предложили обобщенную модель трансфертов, которую можно использовать для получения множества предсказаний в литературе.

осуществляют трансферты в соответствии с логикой санкций, а не покупки голосов. Предполагается, что избиратели знают, что они будут наказаны меньшими субсидиями, если не проголосуют за партию власти. Такие угрозы особенно правдоподобны там, где партия-инкубент вряд ли проиграет выборы, вне зависимости от того, является ли она авторитарным гегемоном (как утверждает Магалони) или нет.

Два набора моделей детально разрабатывают рамки и предлагают разные решения для распределительных игр. Первый блок моделей, встречающихся в литературе, обычно отталкивается от приведенных выше рассуждений и показывает, что политики редко выделяют дополнительные трансферты своим сторонникам, предпочитая предоставлять трансферты тем группам, которые не определились со своими симпатиями к партиям (Lindbeck and Weibull (1987); Stokes (2005)). В этих моделях «верными» сторонниками являются те избиратели, которые настроены в пользу определенной партии, и поэтому попытки влиять на их предпочтения на выборах обходятся слишком дорого. Соответственно, данные модели предсказывают, что рациональные политики будут выделять трансферты группам колеблющихся избирателей, игнорируя своих сторонников.

Гипотеза 1: Политики всегда направляют субсидии тем избирателям в регионе, которые являются или считаются «колеблющимися».

И наоборот, модели «верных» избирателей предсказывают, что партии направляют трансферты именно тем группам, которые и так разделяют их взгляды. В классической модели Кокса и МакКуббинса (1986) партии различаются тем, насколько адресно они направляют трансферты группам избирателей при отсутствии информации. Хотя исходная модель Кокса – МакКуббинса рассматривает в основном трансферты в рамках одного периода, вариант этой модели, разработанный Диас-Каеросом, Эстевесом и Магалони (2010), дает те же результаты при рассмотрении многопериодной игры, кроме того, их модель эндогенизирует партийные предпочтения избирателей. Группы, которые поддерживают конкретную партию в период $t - 1$, вероятнее всего не будут поддерживать ее в период t , если поймут, что ничего не получили, в то время как другим избирателям что-то перепадает. В этой модели «условной» лояльности к партии избиратели-сторонники получают трансферты сегодня, потому что выделение им трансфертов эффективно, а также существует риск того, что если они ничего не получают, то завтра перейдут в категорию колеблющихся избирателей, делая задачу возвращения их на свою сторону в перспективе еще более дорогостоящим

делом. При использовании этой схемы рациональные политики сталкиваются с непростой проблемой выбора.

Гипотеза 2: Политики всегда направляют субсидии тем избирателям, которых считают своим ядерным электоратом.

Однако на основе данных моделей, полезных для структурирования теории, сложно делать общие выводы. Эмпирические результаты противоречивы и свидетельствуют в пользу обеих моделей как в межстрановом разрезе (ср. Dahlberg and Johansson (2002); Stokes (2005); Hiskey (2003); Herron and Theodos (2004); Calvo and Murillo (2004)), так и с использованием субнациональных данных (Magaloni (2006); Diaz-Cayeros, Estevez and Magaloni (2010)). Мы пытаемся разрешить эту проблему, показывая, что не существует жесткой дихотомии в выборе перечисления трансфертов «верным» или «колеблющимся» избирателям.

2.1. Контекст и распределение

Если политики могут опираться на другие источники поддержки, а не только на прямые трансферты, чтобы, к примеру, получить или сохранить поддержку со стороны определенных слоев населения, то тратить средства в виде трансфертов на такие группы нерационально. В данной статье мы сосредоточимся на одном возможном факторе, который в современной литературе по распределительной политике почти не рассматривался, а именно – экономическом росте. Связь между экономическим ростом и политической поддержкой действующей власти убедительно подтверждается и теоретически обосновывается в самых разных институциональных условиях – как в демократических, так и в авторитарных режимах (Di Palma (1991); Lewis-Beck (1998); Duch and Stevenson (2006); Treisman (2011)). Точно так же многие ученые связывают спад в экономике с появлением серьезных выступлений против режима в условиях авторитарии (Gasiogowski (1995); Magaloni (2006); Reuter, and Gandhi (2011)). Мы, в отличие от других исследователей распределительной политики, настаиваем на том, что трансферты – не единственный путь повышения потребительской способности избирателей. Потребление также может увеличиться за счет косвенных факторов, связанных с состоянием экономики, таких как экономический рост. В обоих случаях ключевым механизмом, который ведет к падению поддержки, является гнев со стороны избирателей по поводу снижения потребления и экономических трудностей.

Возникает вопрос: кто должен получать дополнительные трансферты при замедлении роста экономики, когда все избиратели сталкиваются с недостаточным уровнем потребления, – «верные» избиратели из группы сторонников или «колеблющиеся»? Мы утверждаем, что поскольку верные сторонники уже идеологически предрасположены к находящемуся у власти политику или партии и останутся таковыми в будущем при условии сохранения удовлетворительного уровня потребления, в случае замедления роста целесообразнее направлять трансферты им. Чтобы убедиться в этом, отметим, что если избиратели получают достаточную компенсацию за отрицательный рост потребления в период t , то их симпатии в период $t + 1$ останутся неизменными. Соответственно, «верные» избиратели останутся таковыми, и в будущем их не придется покупать за гораздо большие деньги, как «колеблющихся» избирателей. И наоборот, при относительно высоких темпах экономического роста политикам не стоит опасаться потери поддержки со стороны «верных» сторонников ни в настоящем, ни в ближайшем будущем, поскольку уровень их потребления достаточно высок. В этих обстоятельствах трансферты можно направлять «колеблющимся».

Приведенные выше рассуждения прежде всего подсказаны моделями поведения индивидуального избирателя, но их можно обобщить для трансфертов, выделяемых на региональном уровне, который находится в центре нашего исследовательского внимания. Во-первых, на теоретическом уровне схема Диксита и Лондрегана вполне обобщается до регионального масштаба с некоторыми изменениями. В конкретном регионе будет существовать свой порог отсечения, который указывает, за какую партию будут голосовать избиратели. Проблема, с которой сталкиваются партии, сводится к манипулированию трансфертами с целью смещения этого порога отсечения, чтобы обеспечить максимальное количество голосов. Дальберг и Йохансон (2002) показывают: если допустить, что распределение избирателей рядом с критическим значением является симметричным и имеет один максимум, то между результатами голосования на прошлых выборах и плотностью избирателей в районе критического значения должно наблюдаться взаимно-однозначное соответствие.

Во-вторых, на практике центральные правительства редко могут адресно направлять вознаграждения непосредственно отдельным избирателям. Вместо этого они должны найти агрегированные критерии и на их основе выделять трансферты, полагаясь на региональные власти в том, чтобы они позаботились о целевом распределении на микроуровне.

В случае с Россией технология распределения трансфертов основана на договоренностях, позволяющих Кремлю и региональным элитам объединиться на стороне правящей партии. При этом центру выгодна кооперация с региональными элитами, так как элиты могут использовать свое сравнительное преимущество – знание местных условий, позволяющее им поддерживать стабильность. Региональные элиты, в свою очередь, заинтересованы в обеспечении центром безопасности их прав собственности и монополии на власть в регионе (Haber (2007); Magaloni (2008)). Для России это означает, что региональные элиты получают значительную степень самостоятельности, до тех пор пока обеспечивают центру хорошие результаты на выборах, поддерживают приоритеты Кремля и сохраняют социальный порядок. При выполнении этих условий элиты могут действовать в регионах по своему усмотрению, как в финансовом, так и политическом плане (Reuter and Remington (2009); Reuter (2010); Robertson (2010)). На практике это означает, что федеральный центр вынужден ограничиться распределением трансфертов на региональном уровне и полагаться на региональные элиты в вопросах дальнейшего распределения трансфертов на микроуровне. Резюмируя основные идеи данного обсуждения, мы проверяем следующую гипотезу:

H1: В условиях медленного экономического роста регионы, которые можно рассматривать как «надежные» («верные» избиратели), имеют приоритеты в получении трансфертов по сравнению с другими регионами. В случае, если темпы роста экономики относительно высокие, регионы, которые можно рассматривать как «колеблющиеся», имеют приоритет в получении трансфертов по сравнению с другими регионами.

2.2. Электоральная политика и трансферты в России

С конца 1990-х годов система федеральных трансфертов в России номинально включает в себя два элемента. Первый, трансферты ФФПР (Федеральный фонд поддержки регионов), представляет собой субсидии федерального правительства, номинально предоставляемые с целью выравнивания обеспеченности общественными благами во всех регионах России⁴. Второй элемент состоит из ряда субсидий, дотаций и субвен-

⁴ Хотя выравнивающие субсидии ФФПР формально выделяются в соответствии с официально опубликованной формулой, в предыдущих работах удалось установить, что их выделение также может происходить с политическими целями (ср. Попов (2004)).

ций, выделяемых по усмотрению центра, которые, несмотря на существующие формальные ограничения, могут расходоваться в зависимости от региональных приоритетов. На рис. 1 показана динамика совокупных трансфертов (безвозмездных поступлений), а также динамика средств ФФПР в общем объеме трансфертов.

Достаточно произвольный характер трансфертов, выделяемых *не из средств ФФПР*, позволил использовать их в качестве политического инструмента. В начале и конце 1990-х годов федеральный центр из-за своей слабости попал в ловушку бесконечных двусторонних переговоров с наиболее сильными регионами России. Региональные элиты, грозившие мобилизовать избирателей в своих регионах против Кремля, смогли вынудить центр подписать двусторонние договоры, дававшие им значительную финансовую и политическую автономию (Filippov, Ordeshook and Shvetsova (2004); Robertson (2010)). Как следствие, в основной массе литературы о трансфертах показано, что в этот период трансферты в основном уходили в самые сильные регионы, в которых с высокой степенью вероятности могли возникнуть антикремлевские выступления населения в ответ на неуступчивость федерального центра. Однако одновременно политикой «откупа» от сильных региональных элит, проводилась политика вознаграждения регионов, которые могли обеспечить голосование в пользу Б. Ельцина (Treisman (1996, 1998); Popov (2004)). В более ранней работе на данных начала 2000-х годов сделано предположение, что в период вскоре после избрания В. Путина возможности элит диктовать свои условия и важность трансфертов как электорального инструмента стали значить гораздо меньше. Вместо этого единственными регионами, получившими политически мотивированные трансферты, оказались те, которые лично посетил В. Путин, – то ли благодаря прежним связям губернаторов с В. Путиным, то ли из-за его потребности в их поддержке (Jarocinska (2010)).

В 2000-е годы в партийной системе России произошло несколько существенных изменений, которые имеют важные последствия для изучения политических факторов, определяющих распределение трансфертов. Возможно, одной из главных тенденций стал ряд глубоких социальных изменений, приведших к тому, что партийная система превратилась из слабоинституционализированной и высококонкурентной в типичную систему с доминирующей партией.

Во-первых, в 1990-е годы появились две новые мощные партии – «Единство» и блок «Отечество – Вся Россия» (ОВР), созданные по со-

вершенно новым правилам. В 1990-е годы элиты из разных регионов были не в состоянии решить проблемы координации и создать внутри-региональные блоки, чтобы бороться на выборах, и это ограничивало их влияние. Однако в 1999 г. несколько самых сильных региональных губернаторов объединились, чтобы создать коалицию, преследующую две цели: оказать влияние на ход предстоящих президентских выборов и укрепить автономию, дарованную им ослабленной администрацией Б. Ельцина (Филлипов, Ордешук и Шевцова (2004)). В ответ на это исполняющий обязанности президента В. Путин и его советники создали партию «Единство», чтобы участвовать в думских выборах и помочь организовать победу Путина на предстоящих президентских выборах. Ранее, в 1990-е годы, когда создавались подобные партии власти, двойственное к ним отношение со стороны Ельцина и общее недоверие к таким проектам приводило к тому, что они были обречены на провал (Шевцова (2003), Хейл (2006)). В отличие от своего предшественника, В. Путин в 1999 г. оказал «Единству» полную поддержку во время выборов в Государственную Думу, что обеспечило этой партии хорошие результаты.

Во-вторых, хорошие показатели «Единства» на выборах 1999 г., когда даже региональные губернаторы поддерживали ОВР, вкупе с растущей личной популярностью В. Путина, позволили Кремлю организовать второе крупное событие – объединение в 2001 г. «Единства» и «ОВР» с последующим созданием «Единой России» (ЕР). Несмотря на первые проблемы, связанные с нежеланием В. Путина и региональных элит полностью присоединиться к проекту, у новой партии нашлись силы для того, чтобы создать первый с момента распада СССР истинно единый фронт Кремля и сильных региональных элит страны (Рейтер, Ремингтон (2009)). Хотя к 2003 г. многие региональные губернаторы еще не вступили в «Единую Россию», молчаливая поддержка большинства глав регионов позволила «Единой России» доминировать на выборах 2003 г. После этого губернаторы начали активно вступать в «Единую Россию», поскольку рост цен на нефть и реальных доходов населения, вместе с реформами по централизации, давали губернаторам стимулы к тому, чтобы официально вступить в партию, обеспечить доминирование в регионе и утвердить свои позиции в будущем (Reuter (2010)).

Мы утверждаем, что потребность центра в укреплении доминирующего положения «Единой России» с помощью высоких результатов на выборах при отсутствии уверенности (по крайней мере на раннем этапе)

в местных политических машинах создавала стимулы для использования трансфертов по политическим соображениям. Впоследствии такая стратегия создала трудности для региональных элит в сохранении власти вне «Единой России». Когда система с партией-гегемоном консолидировалась, региональные элиты стали понимать, что вопрос их выживания и обеспечения трансфертов населению при доминирующей «Единой России» уже просто требует от них обеспечивать «ЕР» хорошие результаты на выборах (Reuter and Gandhi (2010)). В тот период, когда система обзавелась партией-гегемоном, региональные элиты стали «приводными ремнями», выделяющими средства внутри регионов на обеспечение хороших результатов гегемона на выборах, что, в свою очередь, обеспечивало их собственное политическое выживание.

3. Данные и методология

Для изучения связи между трансфертами и поведением избирателей мы используем наилучшие доступные данные о трансфертах из федерального центра в 78 регионах России⁵ в период между 2001 и 2008 г. Поскольку трансферты являются исключительно эндогенными по отношению к интересующим нас политическим переменным, мы оцениваем нашу модель с помощью адаптированного к панелям двухшагового обобщенного метода моментов (Arellano and Bover (1995); Blundell and Bond (1998)) с учетом кластеризованных по регионам робастных стандартных ошибок, скорректированных с поправкой на конечное T (Arellano (1987);

⁵ Как обычно принято в региональных исследованиях по России, мы исключаем Чеченскую и Ингушскую Республики из нашей панели. В нашем случае решение более чем оправданно, потому что сбор данных в этих регионах был несистематическим в период второй чеченской войны, в связи с чем значительные объемы данных просто отсутствуют для более раннего периода. Нам также пришлось исключить Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, потому что данные по этим регионам включены в массив данных по более крупным регионам (Архангельская и Тюменская области). Кроме того, поскольку ряд областей со временем изменились в связи с объединением или созданием новых регионов, мы должны были сделать ряд допущений, чтобы обеспечить присутствие более или менее сбалансированной панели. Мы полагаем, что Читинская область эквивалентна Забайкальскому краю, Пермская область – Пермскому краю, и Камчатская область – Камчатскому краю. Мы также считаем Иркутскую область и Красноярский край как сравнимые регионы для всего периода (даже после их формального объединения своими автономными округами).

Windmeijer (2005))⁶. Данный метод позволяет внести поправку в стандартные ошибки на внутрикластерную автокорреляцию в остаточном члене и использовать как внутренние (лаговые значения наших репрессоров), так и стандартные внешние инструменты, чтобы ослабить смещение в оценках, вызванное серьезной проблемой одновременности. Применительно к динамике совокупных трансфертов мы формулируем следующую модель:

$$\Delta y_{it} = \rho y_{it-1} + \alpha z_{it-1} + \beta z_{it-1} \omega_{it-1} + \gamma \Delta X'_{it-1} + c_i + d_t + \varepsilon_{it}$$

где Δy_{it} – первая разность наших зависимых переменных, z_{it} – интересующий нас электоральный результат, ω_{it} – темпы роста валового регионального продукта (ВРП), измеряемые с помощью индекса физического объема ВРП, и $\Delta X'_{it}$ – показатели для контрольных переменных в первых разностях. Поскольку мы хотим тестировать наличие эффекта замещения между достижением высоких темпов экономического роста и обеспечением хороших результатов на выборах, мы также включаем перекрестный член, $z_{it-1} \omega_{it-1} \cdot \varepsilon_{it}$ – гетероскедастичный, идиосинкратический остаточный член, предположительно автокоррелированный, c_i – индивидуальный эффект региона, и d_t – временные эффекты.

Наша зависимая переменная представляет собой показатель совокупных трансфертов (безвозмездных поступлений) в расчете на душу населения от федерального центра регионам в тысячах рублей (в ценах 2000 г.)⁷. В качестве источников данных была использована статистическая информация Федерального казначейства и Центра налоговой политики, а также базы данных МГУ «УИС РОССИЯ»⁸. Хотя использование агрегированного показателя трансфертов является довольно сильным «огрублением», совокупные трансферты в качестве зависимой перемен-

⁶ Сток и Ватсон (2008) показывают, что для моделей с панельными данными с фиксированными эффектами с небольшим конечным T и автокорреляцией первого порядка оценка ковариационной матрицы с учетом кластеризованных робастных стандартных ошибок дает лучшие результаты, чем оценки НАС, с точки зрения асимптотической несмещенности.

⁷ Мы сводим индекс потребительских цен в цены базового 2000 г. В двух случаях, Москва (2001–2004, 2007) и Санкт-Петербург (2004), мы наблюдаем в первичных данных отрицательные совокупные трансферты. Из интервью с российскими экспертами по вопросу бюджетной политики следует, что наличие отрицательных значений нарушает принципы формирования отчетности по безвозмездным поступлениям, поэтому мы решили эту проблему путем замены исходных значений нулем там, где наблюдаются отрицательные трансферты.

⁸ См.: <http://uisrussia.msu.ru/is4/main.jsp>.

ной обеспечивают сопоставимость во времени: бюджетная система России претерпела многочисленные изменения в течение 2000-х годов, и, не делая определенных предположений, практически невозможно отследить конкретные программы на протяжении всего рассматриваемого периода. Преимущество нашего подхода заключается в том, что благодаря использованию более длинных временных рядов мы одновременно обходим распространенные проблемы эндогенности, возникающие в результате использования кросс-секционных данных, и обеспечиваем наличие межвременных различий для проверки нашей контекстуальной теории. Более того, использование агрегированных данных чревато проблемами для проверки нашей теории, потому что программы, созданные для предоставления трансфертов по политическим соображениям, смешиваются с трансфертами, выделяемыми для более общих целей. В результате, как только мы учитываем при моделировании экономические факторы, дополнительный шум в показателе еще больше затрудняет возможность отделить политический эффект. Однако мы признаем, что главной проблемой нашего эмпирического подхода, в отличие от использования данных по конкретным программам, является проблема эндогенности. Далее мы предлагаем методы решения проблемы эндогенности и обсуждаем возможность использования инструментальных переменных.

Чтобы учитывать степень, в какой федеральное правительство России пытается выравнять за счет трансфертов уровень бюджетной обеспеченности, мы включаем в число контрольных переменных два главных элемента публикуемой формулы выравнивания: региональные расходы, учет стоимости жизни и налоговый потенциал региона. Для этой цели мы используем два официальных показателя, рассчитываемых Министерством финансов: (1) индекс бюджетных расходов, отражающий отношение расчетных расходов региона к бюджетным расходам в среднем по регионам России; (2) индекс налогового потенциала, представляющий собой соотношение между расчетными налоговыми доходами региона и средними налоговыми доходами для всех регионов⁹. Мы также контролируем уровень экономического развития (пересчитанный в постоянных ценах ВРП на душу населения), долю пенсионеров и детей моложе

⁹ В соответствии с постановлением правительства Российской Федерации от 22 ноября 2004 г. (с изменениями от 20 декабря 2011 г.) о распределении субсидий с целью выравнивания уровней бюджетной обеспеченности российских регионов. Источник: Консультант Плюс.

18 лет (reg sharebef18) на 1000 человек трудоспособного населения региона, уровень урбанизации (доля населения, проживающего в крупных городах с численностью свыше 250 тыс. человек) и долю работников сферы образования и здравоохранения от общего числа занятых.

То, что мы используем рост трансфертов в качестве зависимой переменной и первые разности для многих из наших контрольных переменных, а не более традиционные уровни, объясняется двумя моментами¹⁰. Во-первых, на теоретическом уровне в наших моделях предполагается, что избиратели прежде всего оценивают свое текущее благосостояние и сравнивают текущее потребление с прошлым уровнем или с гипотетическим уровнем при оппозиционных политиках. Как следствие, избирателям может быть безразличен абсолютный уровень трансфертов (и поэтому потребление), их больше волнует относительный уровень по сравнению с прошлым. Если это допущение о поведении избирателей справедливо, то избирателей должен больше волновать относительный рост потребления (например, благодаря росту трансфертов), а не их абсолютные уровни. Во-вторых, с точки зрения центрального правительства текущие трансферты нередко служат базой для трансфертов в будущем. Ежегодно новый уровень трансфертов данному региону служит базой для расходов в следующем году. Соответственно, трансферты регионам редко сокращаются в номинальном выражении¹¹. В таких условиях с точки зрения результатов выборов важны не абсолютные значения трансфертов, а относительное увеличение их объемов на фоне общего развития экономики и других регионов. Поскольку мы имеем дело с изменениями в трансфертах, мы также используем в модели различия в уровнях контрольных переменных, так как в ситуации отсутствия политически мотивированных трансфертов, регионы, в которых больше всего изменяются базовые социально-экономические условия, должны также являться свидетелями наибольших изменений в объемах трансфертов.

¹⁰ В основе этого обсуждения лежат данные, полученные от специалистов Центра фискальной политики, результаты семинара в МЦИИР в сентябре 2011 г., и результаты личных контактов авторов с представителями Министерства финансов и Министерства экономического развития.

¹¹ Единственным исключением в наших данных является 2004 г., когда ряд шагов в направлении централизации и бюджетных реформ позволил центру проводить свою линию в вопросах расходования средств.

Мы признаем, что этот эмпирический подход имеет некоторые недостатки, в основном вытекающие из эндогенности проблемы и несовершенства наших данных. Мы считаем, что наша стратегия оправдана по нескольким причинам. Во-первых, бюджетная система России претерпела многочисленные изменения в 2000-е годы, что затрудняет выделение изменений конкретных программ с течением времени. Во-вторых, *шум переменных* противоречит нашей теории. В-третьих, как отмечалось ранее, данные регионального уровня лучше всего соответствуют нашей модели принятия центром решений о трансфертах для слабоинституционализированных систем. Даже если в основных регионах колеблющиеся избиратели получают трансферты (или *vice-a-versa*), центральные власти могут принять только решения о распределении средств на региональном уровне. Наконец, несмотря на проблемы эндогенности, использование более длинного временного ряда и общих данных позволяет нам обходить общие проблемы законности в литературе, основанной на использовании кросс-секционных данных. При помощи методологии временного ряда мы в состоянии сделать выводы о долгосрочной стратегии и застраховать существенные колебания, чтобы проверить нашу теорию контекста. Однако мы признаем, что эндогенность – серьезная проблема, ниже остановимся на ней подробнее.

3.1. Основные проблемы идентификации модели

При анализе трансфертов и голосования исследователи, как правило, сталкиваются с двумя серьезными проблемами идентификации¹². Во-первых, как отмечалось выше, стандартный взгляд на политически мотивированные трансферты позволяет предположить, что избиратели оглядываются на прошлое, присваивая больший вес недавним, последним трансфертам, а не обещаниям трансфертов в будущем. Как следствие, политики направляют трансферты избирателям, полагая, что они повлияют на поведение избирателей на последующих выборах. Однако если политики принимают решение о трансфертах на основе результатов выборов или других переменных, связанных с ними, то они пытаются повлиять на будущие значения тех же показателей, на которых они основывают текущие решения о трансфертах. Если существует хоть какая-то автокорреляция между переменными, то мы получаем классический слу-

¹² В нижеследующем обсуждении используются выводы и результаты из Schady (2000); Magaloni (2006).

чай проблемы одновременности. Во-вторых, в данной статье мы сталкиваемся с еще одной сложностью: мы проверяем, как рост влияет на решения, связанные с целевым выделением трансфертов в будущем. Поскольку трансферты несомненно оказывают очень быстрое и прямое влияние на темпы роста в будущем, это также создает серьезную проблему эндогенности. Наконец, трансферты устанавливаются не в вакууме. Чаще всего значения текущего года зависят от значений прошлого года, которые, особенно в России, используются как базовые значения. Как следствие, автокорреляция представляет для нас серьезную проблему, и наш анализ, сталкивающийся с серьезными вопросами идентификации при планировании исследования, уже уязвим относительно проблемы одновременности¹³.

Мы используем несколько подходов к решению этих проблем эндогенности. Во-первых, как отмечалось выше, наша эмпирическая модель однозначно предполагает, что ошибки автокоррелированы, и использует робастную оценку ковариационной матрицы оценок параметров. Во-вторых, мы инструментируем экономический рост в модели и одну из наших контрольных переменных, уровень ВВП на душу населения прошлого периода. Для обеих переменных мы строим матрицу внешних инструментов, в которой используется средняя температура в январе с поправкой на плотность населения в момент $t - 1$ и стандартизованный коэффициент мужской смертности среди работающих в момент $t - 1$ ¹⁴. Для перекрестного члена, характеризующего взаимодействие, мы стро-

¹³ Формально предположим: $y_{it} = \alpha + \beta x_{it-1} + \gamma Z'_{it-1} + \epsilon_{it}$, где y_{it} – совокупные трансферты, x_{it-1} – доля голосов за правящую партию, Z'_{it-1} – вектор контрольных переменных в предыдущий период, и ϵ_{it} – случайная составляющая. Если ϵ_{it} автокоррелированы первого порядка, то можно записать: $\epsilon_{it} = \rho \epsilon_{it-1} + v_{it}$, $v_{it} \sim iidN(0, \sigma^2)$, где ρ – коэффициент автокорреляции. Однако поскольку политики полагают, что расходы формируют электоральные результаты, уравнение для оценки результатов выборов будет выглядеть уже следующим образом: $x_{it} = \varphi + \gamma y_{it-1} + \theta Z'_{it-1} + \omega_{it}$, где Z'_{it-1} – вектор контрольных переменных, а ω_{it} – случайная составляющая. Однако если два последних уравнения справедливы, то неспособность использовать эмпирическую стратегию, помогающую решить проблемы эндогенности, приведет к асимптотически смещенным оценкам вследствие автокорреляции и вытекающей из этого обратной причинности.

¹⁴ Gaddy and Ickes (2013) показывают, что климат в России, скорректированный на плотность населения, тесно коррелирует с ростом экономики на региональном уровне. Следуя их подходу, мы строим показатель средней температуры в январе, помноженной на плотность населения в регионе. У данного показателя нет значительной корреляции с изменением в трансфертах, что позволяет ему удовлетворять исключительные ограничения.

им инструмент в виде роста трансфертов в момент $t - 3$, умноженный на электоральную переменную или ее инструмент. Период $t - 3$ был выбран, потому что имеются статистические данные о слабой авторегрессионной структуре в Δy_{it} , основанные на результатах теста Вулдриджа (2010). Это делает единственный лаг $t - 2$ недостаточным для наших целей. Для ВРП на душу населения и трансфертов на душу населения мы используем внутренние инструменты, построенные в виде матрицы лагов¹⁵. Прошлые значения трансфертов являются отличными предикторами настоящих значений, и валидность инструментов обеспечена благодаря тому, что мы учитываем автокорреляцию как часть нашей стратегии моделирования с использованием кластерно-робастных стандартных ошибок. Мы также используем в качестве дополнительных внутренних инструментов уровень урбанизации и фиксированные временные эффекты. Мы не делаем этого с другими контрольными переменными, поскольку не считаем, что они удовлетворяют условию валидности.

Однако решение проблемы эндогенности в наших электоральных переменных гораздо сложнее; существует слишком мало инструментов, которые логически связаны с результатами выборов, изменяются со временем и удовлетворяют условию валидности. Мы представляем простую модель, использующую запаздывающие значения результатов голосования и вносящую поправки на автокорреляцию с использованием робастных сгруппированных стандартных ошибок. Хотя и не настолько робастный, как стратегия, которая предполагает использование экзогенных инструментов, этот рабочий вариант метода, учитывающего автокорреляцию, должен позволить нам исключить самые простые формы обратной причинности. Затем мы проверяем робастность с помощью стандартного метода инструментальных переменных. Нашим инструментом для электоральных переменных является запаздывающая доля голосов за

¹⁵ Blundell and Bond (1998) предлагают системный ОММ (GMM), позволяющий провести оценку двух уравнений (повысить эффективность оценок параметров): одного в уровнях, а другого в первых разностях. В качестве инструментов для уравнения в конечных разностях с Δy в качестве зависимой переменной, мы принимаем матрицу с лагами по совокупным трансфертам и ростом в расчете на душу населения, начинающуюся в момент $t - 3$. В качестве инструментов для уравнения уровней мы используем матрицу разностей по совокупным трансфертам и ВРП на душу населения, начинающихся в момент $t - 3$.

КПРФ на выборах во время предыдущего электорального цикла¹⁶. Мы выбрали КПРФ, потому что это единственная партия, которая существовала в течение всего периода, который мы исследуем, что делает ненужными допущения относительно предшественников «Единой России». В качестве дополнительной проверки мы также используем долю голосов, набранных В. Путиным (Б. Ельциным) на президентских выборах в предыдущем периоде¹⁷. Доказывая правомерность использования данного подхода к инструментированию, мы исходим из того, что изменчивость партийной системы затрудняет поддержание эндогенных связей между трансфертами и результатами выборов. Если возникновение, расколы, слияния и исчезновения партий затрудняют суждения избирателей в отношении распределения трансфертов, то решения о трансфертах, принятые на основании электоральной информации за период до изменения статуса, не могут надежно влиять на результаты выборов. Из-за исключительной непредсказуемости партийной системы политики слабо представляют себе, будет стратегия их действий успешной или нет. Хотя до тех пор, пока политики остаются неуверенными, они, вероятно, в любом случае будут направлять трансферты туда, где удержание власти является вопросом жизни или смерти. Как мы отмечали ранее, федеральные выборы в России на протяжении всего исследуемого периода проходили с потрясениями, которые резко изменяли партийную систему и, соответственно, ожидаемые эффекты трансфертов. Создание «Единства» и ОВР и превращение «Единой России» в доминирующую партию с мощной поддержкой оказались в какой-то степени непредсказуемыми с точки зрения политиков из центра, размышляющих об адресном выделении трансфертов.

Однако в вопросах идентификации было бы неправильно полагаться на постоянно изменяющуюся партийную систему, поскольку приходится делать предположения относительно фундаментальной природы этой системы и степени осведомленности политиков о таких изменениях. Для решения представленных здесь проблем одновременности было бы це-

¹⁶ Выборы в Государственную Думу проводились в 1999, 2003 и 2007 гг. В качестве примера мы используем период с 1996 г. по 1999 г. для анализа периода после выборов 1999 г., а именно 2000–2003 гг.

¹⁷ Данные по президентским выборам 1996 г. получены на сайте «электоральная география» <http://www.electoralgeography.com/en/countries/r/russia/1996-president-elections-russia.html>. Данные по думским выборам 1996 г. получены на сайте Эрика Херрона о политике в странах Восточной и Центральной Европы и Евразии: <http://web.ku.edu/herron/elections/index.html>.

лесообразнее разобраться со значительными изменениями в методах выделения трансфертов, которые зависят то ли от формирования новых программ, то ли от полного пересмотра существующих. И в том, и в другом случае было бы сложно утверждать, что пересмотренная система или программа повлияла на результаты выборов в предыдущие периоды (Schady (2000); Magaloni (2006)). К сожалению, в основе нашей зависимой переменной лежат данные о совокупных трансфертах, что не позволяет использовать результаты за период до появления исследуемой нами программы трансфертов в качестве инструмента (Schady (2000)). Хотя то, что мы полагаемся на нестабильность партийной системы, а не на новую программу, делает результаты нашего анализа более спорными с точки зрения идентификации, но мы, тем не менее, утверждаем, что у нашего подхода имеется одно несомненное преимущество. Исследования, использующие новую программу, могут на самом деле исследовать лишь срез нескольких лет после появления программы до того, как они сталкиваются с проблемами одновременности, которые и должны решать. Как следствие, такой анализ может упустить важные контекстуальные факторы и не иметь внешней общезначимости в связи с тем, что в центре внимания лежит конкретный исторический момент и контекст. Без вариации, которую позволяет динамическая модель, в результате таких исследований вполне можно сделать вывод, что контекстуальные переменные, на которых мы акцентируем внимание в данной статье, не имеют значения. Поэтому наша стратегия больше подходит для работы, стремящейся прежде всего понять, как электоральные стратегии изменяются в зависимости от региональных условий и с течением времени.

Поскольку сумма трансфертов, которые получит регион в текущем году, определяется в предыдущем году, при моделировании мы работаем с первыми лагами всех независимых переменных. Мы утверждаем, что это несколько снижает риск возникновения эндогенности среди части наших независимых переменных, хотя мы также полагаемся на ряд внутренних и внешних инструментов. Чтобы измерить степень, в какой регионы являются «верными» или «колеблющимися», мы, как и в предыдущих работах, используем отрыв от конкурентов (*margin*) на последних выборах в Думу (Treisman (1996, 1998); Popov (2004); Magaloni (2006); Blydes (2010))¹⁸. На рис. 2 показана динамика отрыва «Единой России»

¹⁸ Мы признаем, что доли голосов в системе с доминирующей партией, такой как в России, являются предметом манипулирования и могут фактически являться заменой политических машин губернаторов. Тем не менее мы утверждаем, что даже при на-

и двух ее предшественниц – ОВР и «Единства» – от конкурентов на выборах 1999, 2003 и 2007 гг. Хотя средний отрыв «Единой России» и ее предшественниц со временем увеличивался, все еще наблюдаются существенные различия в степени поддержки со стороны регионов. В дополнение к основной интересующей нас политической переменной мы включили показатель экономического роста и член, характеризующий взаимодействие между ростом и нашей электоральной переменной для того, чтобы понять, как контекст влияет на решения о трансфертах. Для расчета темпов экономического роста в регионе мы используем изменения в показателе физического объема ВРП.

4. Результаты и обсуждение

Мы начинаем с того, что изучаем, как доля голосов влияет на рост трансфертов по сравнению с предыдущим годом. Напомним, что мы хотим проверить, получают ли «верные» регионы трансферты в период замедления экономического роста, а «колеблющиеся» в период быстрого экономического роста. Результаты нашего анализа представлены в табл. 1. Модель 1.1 – это общая модель трансфертов без учета электорального контекста. Как и во всех наших спецификациях, мы инструментируем темпы роста ВРП и ВРП на душу населения с помощью стратегии, которую обсуждали в предыдущем разделе. Как и ожидалось, экономический рост отрицательно сказывается на общем изменении трансфертов: трансферты более богатым регионам растут медленнее, чем более бедным. Модель 1 позволяет также предположить, что значение имеют изменения как индекса бюджетных расходов, так и индекса налогового потенциала. Чем ниже расчетные расходы и выше расчетный налоговый

личия какой-то степени манипуляций эти доли голосов приблизительно отражают реальность. Более того, по другим причинам, которые мы обсуждали выше, мы уже исключили из рассмотрения Чечню и Ингушетию, в которых происходят самые беспардонные манипуляции с подсчетом голосов. К сожалению, в связи с изменениями в партийной системе, о которых мы говорили в предыдущем разделе, мы отслеживали недостаточное число выборов, чтобы рассчитать более точные показатели степени, в какой регионы исторически являются «колеблющимися» или «верными» (Diaz-Cayeros, Estevez and Magaloni (2010)).

потенциал региона, тем меньше региону добавляют к трансфертам по сравнению с предыдущим годом.

Модель 1.2 проверяет наши гипотезы непосредственно. Основываясь на модели 1.1, мы предполагаем, что электоральная переменная является экзогенной и не инструментируем ее. Отрыв «Единой России» от ближайшего конкурента оказывается значимым и положительным во всех спецификациях, что согласуется с общим эффектом голосования сторонников партии. У роста положительный, но незначимый знак. Однако, принимая во внимание значимый член, характеризующий взаимодействие между ростом и ВРП, чистый эффект роста, как и ожидалось, является полностью отрицательным. Интерпретировать знак коэффициента при электоральной переменной в данном случае нужно с учетом того, что в модели присутствует перекрестный член. Прежде чем перейти к его интерпретации, хотелось бы отметить результаты моделей 1.3 и 1.4, которые в определенной степени соответствуют результатам модели 2. В обоих случаях мы используем инструменты для распределения голосов: используем результаты КПРФ в предыдущем выборном цикле в модели 3 и долю голосов за президента (Б. Ельцина или В. Путина) в столбце 4. Наши результаты остаются устойчивыми в обеих спецификациях, хотя основной эффект электоральной переменной незначим при инструментировании с помощью голосов на президентских выборах.

Возвращаясь к интерпретации наших результатов, мы представляем рис. 3 (предельный эффект) для демонстрации эффекта 1%-го изменения переменной отрыва «Единой России» от ближайшего конкурента на выборах, выраженного в приросте трансфертов (тыс. руб.). Однопроцентное увеличение отрыва от конкурента приводит к более существенным изменениям в трансфертах на следующий год при темпах роста ниже 4% (при уровне ниже уверенный интервал пересекает ноль), что соответствует примерно трети нашей выборки. Между 4%-ми и 22%-ми порогами темпа роста регионы главным образом испытывают положительные предельные эффекты дополнительного 1%-го увеличения переменной отрыва «Единой России», хотя доверительные интервалы указывают, что приросты трансфертов статистически незначимы в этом диапазоне. Наконец, в наиболее быстрорастущих 3% регионов с темпами роста выше 22% мы замечаем, что предельный эффект дополнительного 1%-го увеличения отрыва отрицателен, хотя этот эффект также статистически незначим.

Полученные результаты частично подтверждают наши теоретические гипотезы. К сожалению, предельные эффекты указывают, что доказа-

тельств того, что «колеблющиеся» регионы получают дополнительные трансферты в период быстрого роста, мало. Как показано, однако, в регионах, где рост медленный, области, обеспечивающие больший отрыв «Единой России», скорее получают увеличение федеральных трансфертов. По мере роста экономики эта динамика снижается, и более высокие показатели отрыва «Единой России» не только приводят к меньшим трансфертам по сравнению с предыдущим годом, но могут привести к практически нулевым или даже отрицательным приростам.

5. Проверка устойчивости полученных результатов

В табл. 2 мы проверяем надежность наших результатов, последовательно вводя дополнительные переменные, выдвинутые на первый план литературой по дистрибутивной политике и федерально-региональным отношениям в России в наши главные спецификации. В моделях 2.1 и 2.2 мы проверяем, привязаны ли приросты трансфертов к избирательным результатам для выборов президента вместо результатов на выборах в Думу. Модели 2.3–2.6 контролируют на силу региональных элит и наличие у них уникальных ресурсов, которые они могут пустить в ход, чтобы оказать давление на федеральный центр. В частности, мы подозреваем, что в слабodemократическом или конкурентоспособном авторитарном режиме, таком как в России, непосредственно число набранных голосов может быть менее важно, чем власть региональных элит (Treisman (2011), Treisman (1998, 1996)). Модели 2.3 и 3.4 пытаются учесть данный эффект, вводя фиктивную переменную для губернаторов-«инсайдеров», имевших связи с регионом, в котором они были выбраны (или назначены). У «аутсайдеров», без предшествующего опыта работы в регионе, вероятно, будут более сильные связи с федеральным центром, что предоставляет им преимущество в лоббировании (Jarocinska, 2010). С другой стороны, модели 2.5 и 2.6 вводят переменную, измеряющую число лет, которые выбранный/назначенный губернатор, проработал в данном регионе до вступления в должность. Большой опыт работы в регионе связан с более сильными связями между губернатором и местными элитами и, шире, с более сильными политическими машинами. Губернаторы с региональными связями могут легче преодолеть проблемы коллективного действия в регионе, мобилизовать население в случае конфликта

с Кремлем (Robertson (2010), Treisman (1998, 1996)). Результаты проверок на устойчивость наших результатов главным образом соответствуют результатам табл. 1, хотя в некоторых случаях статистическая значимость ниже. Во всех спецификациях знак для отрыва на выборах положителен, в то время как знак перекрестного члена между темпом роста ВРП и отрывом отрицателен.

Как отмечалось ранее, модели «верного» и «колеблющегося» избирателя не дают однозначного ответа относительно выбора времени трансфертов. В то время как большинство моделей предполагает, что трансферты раздаются перед выборами, как средство покупки голосов, другие говорят, что избиратели принимают решения, основанные на ожидаемых вознаграждениях или наказаниях. Поскольку выбор времени распределения трансфертов является ключевым для формулировки нашей модели, мы провели проверку на устойчивость результатов, пытаясь учесть, проявляется ли интересующий нас эффект сразу после выборов или в течение нескольких лет. Результаты представлены в табл. 3. В моделях 3.1 и 3.2 мы исключаем годы после выборов и переоцениваем нашу основную модель с учетом доли голосов за КПРФ и за президента (соответственно) как инструменты для переменной отрыва «Единой России». В модели 3.1, которая использует долю голосования КПРФ в качестве инструмента, перекрестный член между темпами роста ВРП и переменной отрыва «Единой России» влияет отрицательно и статистически значим на 10%-м уровне. Основной эффект для переменной отрыва «Единой России» положителен, как и ожидалось, но незначим. В модели 3.2, которая использует долю голосов за президента в качестве инструмента, знаки соответствуют нашим ожиданиям, но сами коэффициенты статистически незначимы.

Модели 3.3 и 3.4 исключают годы до выборов¹⁹. В этих спецификациях отрыв победы для «Единой России» в Думе и ее перекрестный эффект с темпами роста ВРП значим и ожидаемого знака. Так же в моделях 3.5 и 3.6, которые опускают непосредственно годы выборов, сокращая тем самым рассматриваемый период до шести лет, все знаки ожидаемы и эффекты значимы. Таблица 3 свидетельствует о том, что выбор времени распределения трансфертов не сводится к году выборов или скачкам

¹⁹ Из-за ограничений временного интервала и нашей эмпирической стратегии взятия лагов в качестве инструментов, мы не можем исключить год перед выборами – 1999 г. Следовательно, предвыборных периодов (лет) в выборке формально больше, чем периодов после выборов.

в расходах сразу после выборов. Трансферты осуществляются исходя из логики вознаграждения/наказания, а не простой покупки голосов. Избиратели наказываются за то, что они не обеспечили высокий отрыв «Единой России», но меньше в тех регионах, где экономический рост низкий, и преданность партии рискует уменьшиться.

Мы также проводим несколько тестов для эконометрической проверки робастности наших инструментов. Мы используем тест Хансена на сверхидентифицирующие ограничения (робастный случай), который подтвердил гипотезу о том, что дополнительные сверхидентифицирующие моментные условия выполнены (Rodman (2006)). Мы также используем тест на проверку автокорреляции вида AR(1) (есть по построению модели) и AR(2) в $\Delta \varepsilon_{it}$, основная гипотеза об отсутствии автокорреляции не отвергается (Drukker 2003). Если автокорреляция порядка AR(2) отсутствует, это означает, что исходно нет автокорреляции AR(1) в ε_{it} . Мы также убедились, что наши внешние инструменты не являются слабыми, проведя тесты первого шага, предложенные в (Baum, Schaffer and Stillman, 2007, 2010) и доработанные Шафером (2010) для случая панельных данных. В этих тестах наши инструменты показали себя относительно сильными. Наконец, в качестве дополнительных проверок на робастность мы также попытались исключить регионы, которые, как обычно считается, стоят особняком (например, Москва и Санкт-Петербург). Наши результаты остаются устойчивыми ко всем этим изменениям.

6. Заключение

В настоящей работе мы утверждаем, что «верные» центру регионы получают трансферты в случае медленного роста экономики, тогда как «колеблющиеся» получают их при высоких темпах роста. Каким группам адресно выделять трансферты, зависит от расчетов политиков о влиянии экономических условий на степень их поддержки. Регионы, которые обеспечивают полную поддержку на выборах, получают трансферты, когда отмечается слабый экономический рост, и при ожиданиях снижения уровня потребления возможно снижение поддержки. Однако когда экономика развивается относительно быстро, политики считают более рациональным адресно дотировать «колеблющиеся» регионы, в которых отрыв от конкурентов слишком мал, поскольку, учитывая

хорошее состояние экономики, они могут и дальше рассчитывать на сохранение поддержки со стороны своих верных сторонников в других быстрорастущих регионах. При прочих равных условиях, значительные дополнительные трансферты получили российские регионы, в которых электоральная поддержка «Единой России» оказалась весьма значительной, и если они входили в число нижних 30% регионов России с точки зрения экономического роста.

Полученные нами результаты имеют важное значение для более широкой литературы. Демонстрируя, как логика трансфертов меняется в зависимости от экономических условий, мы предлагаем возможное разрешение теоретических и эмпирических противоречий, являющихся причиной споров по поводу «приверженцев» и «колеблющихся» в литературе о распределении. Хотя, несомненно, систему с доминирующей партией, которую мы исследуем здесь, нельзя отнести к числу развитых демократий, мы утверждаем, что наши общие результаты приносят дополнительную информацию в литературу о голосовании в странах с низкими и средними доходами. Избиратели в России мало чем отличаются от избирателей в западных странах с точки зрения суждений по разным вопросам, на основании которых они выбирают партию, за которую голосуют, и оценивают действующих руководителей (Colton and Hale (2009a, b); Treisman (2011)). Как следствие, разные стратегии трансфертов, которые могут помочь получить их поддержку, также могут оказаться эффективными в условиях с идентичными макроэкономическими показателями, но с большей конкуренцией.

Однако существует много направлений для дальнейшего изучения, поскольку в данной статье мы не смогли ответить на несколько вопросов. Во-первых, в какой степени полученные нами результаты можно отнести на счет неконсолидированной системы доминирующей партии? «Единая Россия» была создана в 2003 г. в середине периода, который мы проверяем. Как следствие, остается неясным, подойдут ли наши результаты для полностью авторитарных режимов, в которых доминирующая партия имела достаточно времени для укрепления контроля над населением и устранения конкуренции. Одним простым, но ценным продолжением нашей работы стал бы тест, меняются ли со временем стратегии сохранения авторитарного режима, которые мы выявили здесь, на примере более старой доминирующей партии типа PRI в Мексике. Во-вторых, в какой степени динамика голосования симпатизирующих и неопределившихся избирателей, которых мы выявили в данной статье,

зависит от обстановки, в которой действует доминирующая партия? Мы считаем, что результаты поддаются более широкому обобщению. Тем не менее продолжением данной работы может стать использование полученных нами наработок и результатов для проверки стратегий распределения трансфертов в других странах с федеральным устройством с низкими/средними уровнями доходов. И последний, требующий ответа вопрос: какие структурные или институциональные условия на субнациональном уровне могут также влиять на решения политиков об адресном выделении трансфертов колеблющимся или симпатизирующим избирателям? Хотя в данной статье мы сосредоточились на роли экономического роста, территориально-административные единицы субнационального уровня сильно различаются по ряду других условий, которые могут изменять отдачу колеблющимся или симпатизирующим избирателям в зависимости от стратегий голосования. Необходимо еще многое сделать для выявления этих условий и более эффективной интеграции моделей голосования колеблющимися или симпатизирующими избирателями.

Таблица 1. Модели для прироста трансфертов, тыс. руб. на душу населения:
2000–2008

	(1) Model	(2) Model	(3) Model	(4) Model
L.GRP Growth Rate	−13.962*** (2.735)	33.248 (21.580)	29.605 (22.297)	27.843 (22.438)
L.GRP Per Capita	0.001 (0.004)	−0.006 (0.006)	−0.005 (0.005)	−0.004 (0.004)
L.Transfers Per Capita	0.080*** (0.016)	0.055** (0.025)	0.058** (0.022)	0.077*** (0.018)
LD.Urbanization	−9.233 (28.720)	11.569 (21.760)	8.331 (22.162)	−13.648 (25.797)
LD.Employed in Public Sector	−0.480 (0.460)	−0.676 (0.898)	−0.679 (0.925)	−0.546 (0.865)
LD.Ratio of Young People	0.031 (0.043)	0.048 (0.051)	0.047 (0.046)	0.050 (0.038)
LD.Ratio of Pensioners	0.017 (0.044)	0.027 (0.075)	0.023 (0.063)	0.026 (0.051)
LD.Index of Tax Potential	−1.006*** (0.355)	−0.841** (0.355)	−0.840** (0.369)	−0.818* (0.427)
LD.Index of Budget Expenditures	10.311*** (0.673)	8.179*** (1.052)	8.307*** (1.099)	8.363*** (0.910)
L.GRP Growth*Margin in Duma		−153.473*** (58.315)	−142.785** (59.976)	−138.819** (60.470)
L.Vote Margin in Duma		16.795** (7.549)	15.552** (7.685)	10.748** (5.025)
Constant	1.510*** (0.362)	−3.714 (3.038)	−3.327 (3.115)	−0.967 (2.081)
Временные эффекты	+	+	+	+
Число наблюдений	702	702	702	702
Число инструментов	50	51	52	52

	(1) Model	(2) Model	(3) Model	(4) Model
Hansen OverID Stat	$\lambda^2(32) = 40.43$	$\lambda^2(31) = 34.32$	$\lambda^2(32) = 35.50$	$\lambda^2(32) = 38.76$
AR(1) Z -Stat	-1.87	-1.99	-1.95	-1.89
AR(2) Z-Stat	-0.97	-1.07	-1.08	-1.17

В скобках приведены кластеризованные робастные стандартные ошибки. L – оператор лага, D – оператор первой разности.

Зависимая переменная: разница (прирост) в совокупных трансфертах, на душу населения.

Model (1): базовая спецификация.

Model (2): спецификация с перекрестным членом.

Models (3)–(4): доля голосов за КППФ и доля голосов за президента как инструментальные переменные.

*, **, *** – оценки коэффициентов значимы на 10, 5 и 1%-м уровнях значимости соответственно.

Таблица 2. Дополнительная проверка на устойчивость полученных результатов: модели для прироста трансфертов, тыс. руб. на душу населения: 2000–2008

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
	Model	Model	Model	Model	Model	Model	Model	Model
L.GRP Growth Rate	22.535 (20.021)	20.084 (20.101)	27.600 (23.967)	31.444 (22.619)	23.508 (19.071)	23.042 (18.026)	19.825 (16.374)	18.155 (14.037)
L.GRP Per Capita	-0.002 (0.007)	-0.002 (0.005)	-0.003 (0.006)	-0.005 (0.006)	-0.004 (0.006)	-0.003 (0.006)	-0.004 (0.006)	-0.004 (0.008)
L. Transfers Per Capita	0.048 (0.035)	0.073*** (0.024)	0.072*** (0.017)	0.068*** (0.018)	0.065*** (0.019)	0.078*** (0.019)	0.043 (0.046)	0.033 (0.057)
L.GRP Growth*Margin in Duma	-112.801**	-114.156**	-145.676**	-157.336**	-124.883**	-124.434**	-111.512**	-105.020***
L. Vote Margin in Duma	(51.701)	(53.459)	(69.989)	(62.138)	(52.616)	(49.515)	(45.062)	(40.237)
L. Vote Margin in Duma	1.551 (11.482)	2.569 (9.565)	17.571* (10.373)	18.869** (9.165)	13.765* (7.153)	9.807** (4.402)	12.954** (6.496)	9.457** (4.585)
LD.Urbanization	13.677 (29.789)	-6.698 (27.162)	4.142 (29.725)	11.630 (26.346)	8.548 (23.295)	-8.159 (29.905)	4.056 (32.207)	-9.525 (36.929)
LD.Employed in Public Sector	-1.197 (0.828)	-1.247** (0.632)	-0.382 (1.076)	-0.397 (1.037)	-0.770 (0.622)	-0.758 (0.833)	-0.652 (0.925)	-0.643 (0.848)
LD.Ratio of Young People	0.072 (0.058)	0.068 (0.051)	0.040 (0.033)	0.049 (0.037)	0.042 (0.038)	0.064 (0.050)	0.048 (0.045)	0.085 (0.061)
LD.Ratio of Pensionerse	0.030 (0.082)	0.021 (0.062)	0.025 (0.038)	0.036 (0.048)	0.014 (0.048)	0.036 (0.066)	0.026 (0.062)	0.071 (0.093)
LD.Index of Tax Potential	-1.075**	-1.074**	-0.878**	-0.837**	-0.857*	-0.882*	-0.924***	-0.937**

	(1) Model	(2) Model	(3) Model	(4) Model	(5) Model	(6) Model	(7) Model	(8) Model
LD Index of Budget Expenditures	(0.527) 9.710***	(0.525) 9.618***	(0.420) 8.300***	(0.366) 8.142***	(0.440) 8.542***	(0.517) 8.933***	(0.354) 8.863***	(0.458) 9.196***
L.UR Vote Share	(1.574) 17.826 (19.188)	(1.307) 8.191 (13.143)	(1.177)	(1.109)	(1.134)	(0.991)	(1.306)	(1.251)
L.Votes for President			-7.983 (7.207)	-8.182 (5.138)	-0.827 (1.101)	-1.572 (1.403)		
L.Insider Governor								
L.Reg Years of Work								
Constant	-8.518 (9.039)	-2.560 (5.319)	1.343 (2.856)	1.019 (1.896)	-2.167 (3.245)	0.250 (1.849)	-0.096 (0.141) -1.754 (2.296)	-0.154 (0.162) 0.493 (1.857)
Временные эффекты	+	+	+	+	+	+	+	+
Число наблюдений	701	701	702	702	702	702	702	702

В скобках приведены кластеризованные робастные стандартные ошибки.

Зависимая переменная: разница (прирост) в совокупных трансфертах на душу населения. Доля голосов за КПрФ и доля голосов за президента как инструментальные переменные соответственно.

Model (1)–(2): проверка на устойчивость, контроль: доля голосов за «Единую Россию».

Model (3)–(4): проверка на устойчивость, контроль: доля голосов за президента.

Model (5)–(6): проверка на устойчивость, контроль: фиктивная переменная – губернатор-«инсайдер».

Model (7)–(8): проверка на устойчивость, контроль: число лет работы губернатора в регионе.

*, **, *** – оценки коэффициентов значимы на 10, 5 и 1%-м уровнях значимости соответственно.

Таблица 3. Проверка на устойчивость: годы проведения выборов.

Модели для прироста трансфертов, тыс. руб. на душу населения:
2000–2008

	(1) Model	(2) Model	(3) Model	(4) Model	(5) Model	(6) Model
L.GRP Growth Rate	1.146 (15.720)	-0.026 (17.069)	23.736* (12.898)	27.236 (21.578)	38.025 (23.419)	46.836 (30.413)
L.GRP Per Capita	0.007 (0.006)	0.007 (0.006)	-0.006 (0.008)	-0.002 (0.003)	-0.016 (0.013)	-0.010 (0.011)
L.Transfers Per Capita	0.313*** (0.099)	0.332*** (0.088)	0.042 (0.031)	0.064*** (0.019)	-0.015 (0.091)	0.052 (0.060)
L.GRP Growth*Margin in Duma	-85.350* (48.491)	-84.241 (55.410)	-119.527*** (40.622)	-127.783** (61.589)	-182.816** (71.884)	-212.935** (90.200)
L.Vote Margin in Duma	4.084 (4.647)	2.683 (2.678)	15.051** (6.955)	8.575* (5.155)	21.768** (9.921)	15.818** (6.678)
LD.Ratio of Urbanization	-48.064 (69.636)	-56.169 (69.632)	20.442 (35.951)	-2.970 (20.173)	95.652 (80.404)	38.822 (32.809)
LD.Employed in Public Sector	0.621 (1.806)	0.497 (1.288)	-0.726 (0.797)	-0.384 (0.788)	-2.017 (1.442)	-1.787 (1.849)
LD.Ratio of Young People	-0.039 (0.077)	-0.049 (0.083)	0.025 (0.037)	0.043 (0.035)	0.147 (0.146)	0.089 (0.102)
LD.Ratio of Pensioners	-0.027 (0.076)	-0.045 (0.104)	0.030 (0.054)	0.054 (0.040)	0.148 (0.226)	0.040 (0.192)
LD.Index of Tax Potential	-1.181* (0.698)	-1.101 (0.760)	-0.929** (0.398)	-1.135* (0.582)	-0.592 (0.993)	-0.554 (0.732)
LD.Index of Budget Expenditures	8.436*** (1.714)	8.342*** (1.485)	9.070*** (1.085)	8.624*** (1.156)	6.590*** (2.027)	6.320*** (1.229)
Constant	-0.290	-0.002	-3.600	-0.627	-5.732	-2.204

	(1) Model	(2) Model	(3) Model	(4) Model	(5) Model	(6) Model
Временные эффекты	(1.212) +	(0.845) +	(2.840) +	(2.091) +	(4.303) +	(1.934) +
Число наблюдений	468	468	546	546	546	546

В скобках приведены кластеризованные робастные стандартные ошибки.

Зависимая переменная: разница (прирост) в совокупных трансфертах, на душу населения.

Models (1)–(2): исключены годы сразу после выборов (2000, 2004, 2008). Доля голосов за КПРФ, доля голосов за президента – как инструменты.

Models (3)–(4): исключены годы перед выборами (2002, 2006). Доля голосов за КПРФ, доля голосов за президента – как инструменты.

Models (5)–(6): исключены годы выборов (2003, 2007). Доля голосов за КПРФ, доля голосов за президента – как инструменты.

*, **, *** – оценки коэффициентов значимы на 10, 5 и 1%-м уровнях значимости соответственно.

Таблица 4. Описательные статистики

Переменная	Ср. знач.	Ст. откл.	Мин.	Макс.	N
D.Total Transfers Per Capita	0.41	1.954	–15.113	36.166	702
D.Total Transfer Minus FFSR, Per Capita	0.380	2.010	–13.523	34.382	702
GRP Growth Rate	0.066	0.052	–0.202	0.42	702
Margin of Votes in Duma	0.238	0.203	0	0.944	702
D.Ratio of Urbanization	0.001	0.010	–0.099	0.167	702
D.Share of Employed in Public Sector	–0.040	0.480	–3.6	2.9	702
D.Ratio of Young People to Labor Force	–11.755	11.887	–69	47	702
D.Ratio of Pensioners to Labor Force	–1.523	10.351	–75	69	702
D.Index of Tax Potential	0.00743	0.387	–2.65	7.113	702
D.Index of Budgetary Expenditures	0.000538	0.105	–1.617	0.881	702
TPC Indicator	–0.009	0.043	–0.403	0.001	702
KPRF Votes Share	0.167	0.081	0.017	0.421	702
Votes for President	0.631	0.118	0.399	0.965	702
Reg Years of Work	12.377	8.396	0	38	702
Insider Governor	0.856	0.351	0	1	702

D – Оператор первых разностей.

Таблица 5. Описание переменных

Переменная	Описание
Total Transfers (Совокупные трансферты, тыс. руб.)	Общий объем безвозмездных поступлений региону, в ценах 2000 г. (ИПЦ как дефлятор). Источник: Федеральное казначейство, www.goskazna.ru
Total Transfers Minus FFSR Grants (Совокупные трансферты за вычетом дотаций ФФПР)	Безвозмездные поступления без учета дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности (ФФПР), в ценах 2000 г. (ИПЦ как дефлятор). Дотации ФФПР распределяются Министерством финансов в соответствии с формулой («прозрачные»). Источник: Федеральное казначейство, www.goskazna.ru
Vote Margin in Duma Elections (Отрыв в голосах за «Единую Россию»)	Фиктивная переменная = 1, если на выборах победила «Единая Россия», умноженная на разницу в доле голосов, набранных «Единой Россией» (сумма голосов за «Единство» и ОВР в 1999 г.), и долей голосов за партию, занявшую второе место на выборах. Источник: ЦИК http://www.cikrf.ru
GRP Growth (Темп роста ВРП)	Темп роста ВРП, рассчитанный на основе индекса физического объема ВРП (год к году). Источник: Росстат www.gks.ru
Ratio of Urbanization (Уровень урбанизации)	Доля населения, проживающего в крупных городах с численностью свыше 250 тыс. чел. Источник: УИС РОССИЯ (База данных МГУ), www.uisrussia.msu.ru
Share of Employed in Public Sector (Доля занятых в государственном секторе)	Доля занятых в государственном секторе (образование и здравоохранение). Источник: Росстат, www.gks.ru
Ratio of Young People to Labor Force (Соотношение молодежи и численности трудоспособного населения)	Число людей моложе 18 лет в расчете на тыс. чел. населения в трудоспособном возрасте. Источник: Росстат, www.gks.ru
Ratio of Pensioners to Labor Force (Соотношение пенсионеров и численности трудоспособного населения)	Число пенсионеров в расчете на тыс. чел. населения в трудоспособном возрасте. Источник: Росстат, www.gks.ru
Index of Tax Potential (Индекс налогового потенциала)	Соотношение между потенциальной величиной налоговых доходов региона и среднероссийским уровнем. Источник: Министерство финансов, www.minfin.ru
Index of Budget Expenditures (Индекс бюджетных расходов)	The ratio of the estimated regional expenditures relative to the average budget expenditures in Russian regions. Source: Ministry of Finance, www.minfin.ru
Reg Years of Work (Число лет, проработанных губернатором в регионе)	Число лет, проработанных губернатором в регионе, до момента его вступления (избрания/назначения) в должность. Источник: База данных МЦИР

Переменная	Описание
Insider Governor (Тип губернатора – «инсайдер»)	Фиктивная переменная = 1, если последнее место работы губернатора (перед вступлением в должность) было в данном регионе. Губернаторы, которые были депутатами Федерального собрания, Государственной думы или Верховного совета, но представляли данный регион, также закодированы как 1. Громов (Московская область) закодирован как «инсайдер» = 1 для Москвы. Губернаторы, последнее место работы которых было в АО в пределах данного региона, закодированы как 1, если они потом стали губернаторами региона (например, А. Хлопонин). Губернаторы, которые ранее работали в регионе год и более, также закодированы 1. Источник: База данных МЦИИР.
Votes for President (Доля голосов за президента)	Доля голосов за президента (Б. Ельцин, В. Путин, Д. Медведев) на выборах президента (1996, 2000, 2004, 2008). Источники: http://www.cikrf.ru , http://www.electoralgeography.com/en/countries/r/russia/1996-president-elections-russia.html
KPRF Vote Share in Duma Elections (Доля голосов за КПрФ на выборах в Думу)	Доля голосов за КПрФ на выборах в Думу (1995, 1999, 2003, 2007). Источники: http://www.cikrf.ru ; Erik Herron's website on Politics in East Central Europe and Eurasia, http://web.ku.edu/herron/elections/index.html
TPC Indicator (Индикатор ТРС)	Средняя температура января, взвешенная с учетом плотности населения. Инструментальная переменная. Источник: Росстат, www.gks.ru
Темп роста трансфертов на душу населения	Темп роста трансфертов (совокупных или без учета дотаций ФФПР), год к году, в постоянных ценах. Показатель рассчитан на основе данных Федерального казначейства

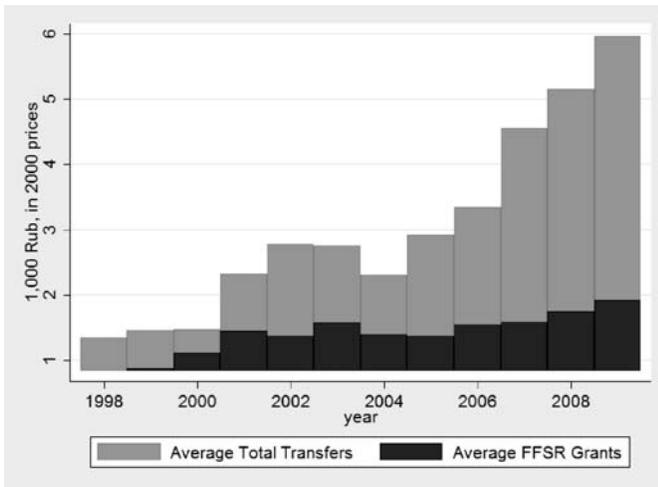

Рис. 1. Динамика дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности (FFSR) как доли от совокупных безвозмездных поступлений (Total Transfers) в 1998–2009 (тыс. руб. в ценах 2000 г.), среднее значение по 78 регионам

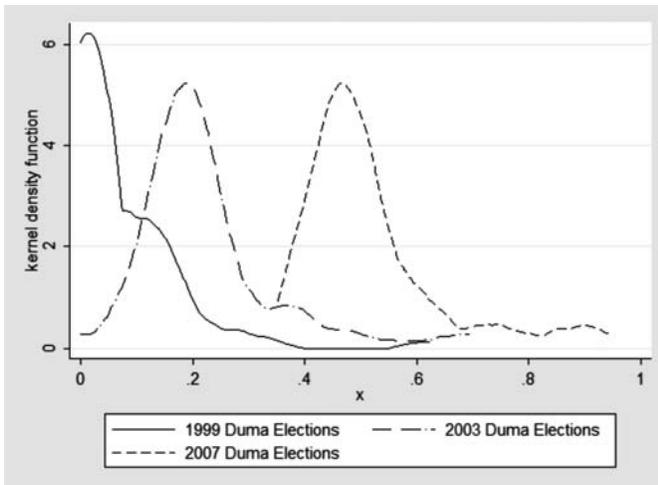

Рис. 2. Непараметрическая функция плотности распределения для переменной отрыва «Единой России» на выборах 1999, 2003, 2007

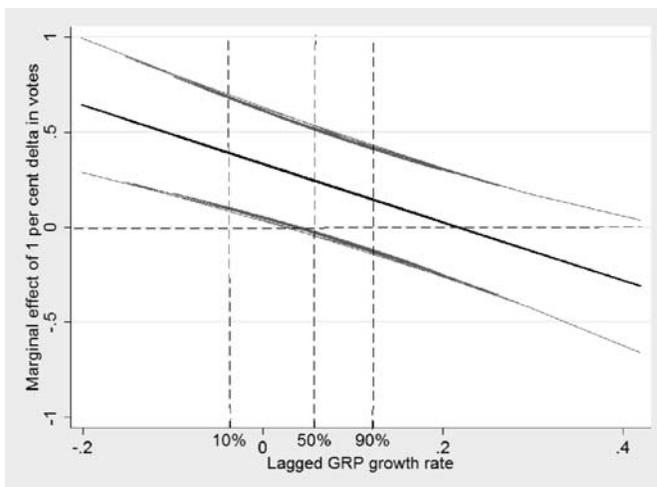

Рис. 3. Предельный эффект (тыс. руб.) от увеличения отрыва «Единой России» на выборах на 1% (модель 2, табл. 3), за период с 2000 по 2008 г. (с 90%-м доверительным интервалом)

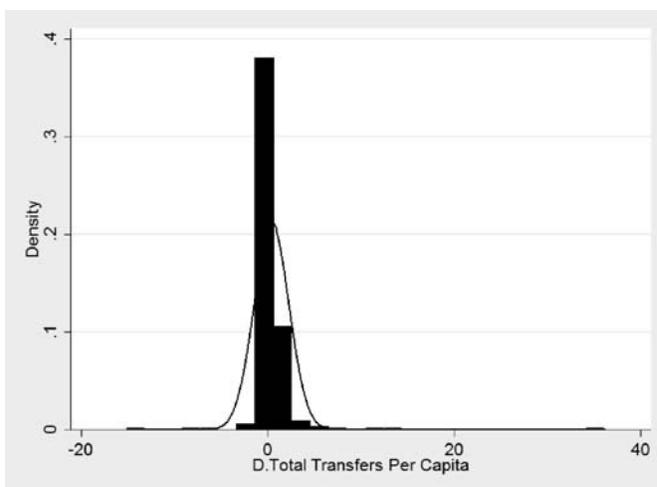

Рис. 4. Гистограмма распределения трансфертов в сравнении с нормальным распределением

Литература

Arellano M. (1987) Computing robust standard errors for within-groups estimators // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 49 (4), 431–434.

Arellano M., Bover O. (1995) Another look at the instrumental-variable estimation of error components models // *Journal of Econometrics*, 68, 29–52.

Arellano M., Bond S. (1991) Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations // *The Review of Economic Studies*, 58 (2), 277–297.

Baum C.F., Schaffer M.E., Stillman S. (2007) Enhanced routines for instrumental variables/generalized method of moments estimation and testing // *The Stata Journal*, 7 (4), 465–506.

Baum C.F., Schaffer M.E., Stillman S. (2010) *ivreg2: Stata module for extended instrumental variables/2SLS, GMM and AC/HAC, LIML and k-class regression* (<http://ideas.repec.org/c/boc/bocode/s425401.html>).

Blaydes L. (2010) *Elections and Distributive Politics in Mubarak's Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press.

Blundell R., Bond S. (1998) Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models // *Journal of Econometrics*, 87, 115–143.

De Blunder R., Dhaene G. (2012) Unit root tests for panel data with AR (1) errors and small T. // *Econometrics Journal*, 15, 102–124.

Calvo E., Murillo M.V. (2004) Who Delivers? Partisan Clients in the Argentine Electoral Market // *American Journal of Political Science*, 48 (4), 742–757.

Colton T.J., Hale H.E. (2009a) The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime // *Slavic Review*, 68 (3), 473–503.

Colton T.J., Hale H.E. (2009b) Russians and the Putin-Medvedev “Tandemocracy” A Survey-Based Portrait of the 2007–2008 Election Season // *Problems of Post-Communism*, 57 (2), 3–20.

Cox G.W. (2010) Swing voters, core voters, and distributive politics // *Political representation* / I. Shapiro, S.C. Stokes, E.J. Wood, A.S. Kirshner (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 342–357.

Cox G., McCubbins M. (1986) Electoral Politics in a Redistributive Game // *Journal of Politics*, 48, 370–89.

Dahlberg M., Johansson E. (2002) On the Vote-Purchasing Behavior of Incumbent Governments // *The American Political Science Review*, 96 (1), 27–40.

Diaz-Cayeros A., Estevez F., Magaloni B. (2010) From Clientalism to Entitlements: The Politics of Social Transfers in Mexico, 1989–2006. Mimeo. Available at: www.stanford.edu/~albertod/buyingvotes/buyingvotes.html.

Dixit A., Londregan J. (1996) The Determinants of Success of Special Interests in Redistributive Politics // *Journal of Politics*, 58, 1132–55.

Di Palma G. (1991) Legitimation from the Top to Civil Society: Politico-Cultural Change in Eastern Europe // *World Politics*, 44 (1), 49–80.

Drukker D.M. (2003) Testing for serial correlation in linear panel-data models // *The Stata Journal*, 2, 168–177.

Duch R., Stevenson R. (2006) Assessing the Magnitude of the Economic Vote over time and Across Nations // *Electoral Studies*, 25, 528–47.

Efron B., Stein C. (1981) The Jackknife Estimate of Variance // *The Annals of Statistics*, 9 (3), 586–596.

Filippov M., Ordeshook P.C., Shvetsova O. (2004) *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gaddy C.G., Ickes B.W. (2013) *Bear Traps: Can Russia Avoid the Pitfalls on the Road to Sustainable Economic Growth?* (<http://www.crifes.psu.edu/papers/bearcrifes.pdf>).

Gandhi J. (2008). *Political Institutions Under Dictatorship*. N. Y.: Cambridge University Press.

Gasiorowski M. (1995) Economic Crisis and Political Regime Change: An Event History Analysis // *American Political Science Review*, 89, 882–97.

Gehlbach S., Keefer P. (2011) Investment without Democracy: Ruling-party Institutionalization and Credible Commitment in Autocracies // *Journal of Comparative Economics*, 39, 123–139.

Haber S.H. (2007) *Authoritarian Regimes* // *The Oxford Handbook of Political Economy* / B.R. Weingast, D. Wittman (eds.). N. Y.: Oxford University Press. P. 693–707.

Hadri K. (2000) Testing for stationarity in heterogeneous panel data // *Econometrics Journal*, 3 (2), 148–161.

Hale H. (2006) *Why not parties in Russia?* Cambridge: Cambridge University Press.

Hiskey J.T. (2003) Demand-Based Development and Local Electoral Environments in Mexico // *Comparative Politics*, 36 (1), 41–59.

Herron M.C., Theodos B.A. (2004) Government Redistribution in the Shadow of Legislative Elections: A Study of the Illinois Member Initiative Grants Program // *Legislative Studies Quarterly*, 29 (2), 287–311.

Jarocinska E. (2010) Intergovernmental Grants in Russia: Vote-buying or Bargaining Power of Regions // *Economics of Transition*, 18 (2), 405–427.

Lindbeck A., Weibull J. (1987) Balanced budget redistribution and the outcome of political competition // *Public Choice*, 52, 273–297.

Lewis-Beck M. (1988) *Economics and Elections: The Major Western Democracies*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Lewis-beck M., Stegmaier M. (2000) Economic Determinants of Electoral Outcomes // *Annual Review of Political Science*, 3, 183–219.

Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demis in Mexico*. N. Y.: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2008) Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*, 41 (4–5), 715–741.

Persyn D., Westerlund J. (2008) Error-Correction-Based Cointegration Tests for Panel Data // *The Stata Journal*, 8 (2), 232–241.

Popov V. (2004) Fiscal Federalism in Russia: Rules Versus Electoral Politics // *Comparative Economic Studies*, 44 (4), 515–541.

Reuter O.J. (2010) The Politics of Dominant Party Formation: United Russia and Russia's Governors // *Europe-Asia Studies*, 62 (2), 293–327.

Reuter O.J., Gandhi J. (2011) Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties // *British Journal of Political Science*, 41 (1), 83–110.

Reuter O.J., Remington T. (2009) Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: the Case of United Russia // *Comparative Political Studies*, 42 (4), 501–526.

Robertson G. (2010) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*. N. Y.: Cambridge University Press.

Rodman D. (2006) How to Do xtabond2: An Introduction to “Difference” and “System” GMM in Stata // *The Stata Journal*, 9 (1), 86–136.

Schady N.R. (2000) The Political Economy of Expenditures by the Peruvian Social Fund (FONCODES), 1991–1995 // *American Political Science Review*, 94 (2), 289–304.

Schaffer M.E. (2010) xtvreg2: Stata module to perform extended IV/2SLS, GMM and AC/HAC, LIML and k-class regression for panel data models (<http://ideas.repec.org/c/boc/bocode/s456501.html>).

Shvetsova O. (2003) Resolving the problem of preelection coordination: The 1999 parliamentary election as an elite presidential primary // The 1999–2000 elections in Russia: Their impact and legacy / V. Hesli, W.M. Reisinger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 213–231.

Soto M. (2009) System GMM estimation with a small sample. Working Papers 395, Barcelona Graduate School of Economics (<http://pareto.uab.es/wp/2009/78009.pdf>).

Stock J.H., Watson M.W. (2008) Heteroskedasticity-Robust Standard Errors for Fixed Effects Panel Data Regression // *Econometrica*, 76 (1), 155–174.

Stokes S.C. (2005) Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina // *American Political Science Review*, 99, 315–325.

Stokes S. (2009) Pork by Any Other Name... Building A Conceptual Scheme of Distributive Politics. Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, September 3–6. Toronto.

Treisman D. (2011) Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia Under Yeltsin and Putin // *American Journal of Political Science*, 55 (3), 590–609.

Treisman D. (1998) Fiscal Redistribution in a Fragile Federation: Moscow and the Regions in 1994 // *British Journal of Political Science*, 28, 185–222.

Treisman D. (1996) The Politics of Intergovernmental Transfers in Post-Soviet Russia // *British Journal of Political Science*, 26, 299–335.

Tukey J.W. (1958) Bias and Confidence in Not-Quite Large Samples (abstract) // *Annals of Mathematical Statistics*, 29 (June), 614.

Vaishnav, Sircar (2011) Core or Swing? The Role of Electoral Context in Shaping Pork Barrel. Working Paper.

Westerlund J. Testing for Error Correction in Panel Data // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 69 (6), 709–748.

Windmeijer F. (2005) A finite sample correction for the variance of linear efficient two-step GMM estimators // *Journal of Econometrics*, 126 (1), 25–51.

Wooldridge J.M. (2010) *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, MA: MIT Press.

Marques, I., Nazrullaeva, E., Yakovlev, A. Substituting Growth for Money: Intergovernmental Transfers and Electoral Support in the Russian Federation, 2001–2008 [Text] : Working paper WP1/2013/03 / I. Marques, E. Nazrullaeva, A. Yakovlev ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. – 44 p. – 100 copies. – (Series WP1 «Institutional Problems of Russian Economy») (in Russian).

Given limited resources and economic realities, how do politicians distribute monetary transfers in order to retain office? In this article, we argue that this decision is determined by economic factors, which condition politicians distributive strategies. In our model, we consider that politician and voters are involved in a repeated game, where past expectations condition future strategy. Where economic growth is good, politicians can distribute less to core supporters, who benefit from economic growth, and where it's weak, however, politicians make transfers to their core supporters. We test our theory using data on federal transfers from the Russian Federal government to 78 Russian Regions in 2000–2008.

Key words: competitive autocracy, dominant party systems, distributive politics, swing voters, core voters, federal transfers, Russia.

JEL codes: D72, H77, R50

*Препринт WP1/2013/03
Серия WP1
Институциональные проблемы
российской экономики*

Маркес Израэл, Назруллаева Евгения Юрьевна,
Андрей Александрович Яковлев

**Деньги вместо роста: межбюджетные трансферты
и электоральная поддержка в России, 2001–2008**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета

Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 2,7

Усл. печ. л. 2,6. Заказ № . Изд. № 1552

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»